



Приглашение к размышлению

РЕЛИГИЯ КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

М. Сергеев. Теория религиозных циклов: традиция, модерн и вера бахаи. – Лейден, 2015 (Sergeev, Mikhail. Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity and the Bahá'í Faith. – Leiden: Brill, 2015. – 161 p.)

Н.В. ШЕЛКОВАЯ

Ученые утверждают, и это подтверждается многовековой историей, что чем больше в человеке переплетается рас, тем он талантливее, ибо вбирает в себя множество культур и типов менталитета. Мне представляется, что аналогичная ситуация имеет место и в случае переплетения в человеке, через верования родителей и предков, нескольких религий. Полирелигиозность порождает не только веротерпимость и принятие иных вероисповеданий, но и способность увидеть их внутреннее единство при внешних различиях, способность подняться над стереотипами ортодоксии и заглянуть в глубину бездонного колодца религии, в котором отражается Единый Бог.

Автор рецензируемой книги, доктор философии, адъюнкт-профессор Университета искусств (Филадельфия, США), историк философии и религии, главный редактор книжной серии «Современная русская философия» (*Contemporary Russian Philosophy*), основатель и главный редактор журнала «Исследования философии Бахаи» (*Studies in Bahá'í Philosophy*), родился и получил образование в СССР – государстве, идеологией которого являлся воинствующий атеизм. При этом отец М. Сергеева происходил из русской православной семьи, а мать – из еврейской. На этой почве долго прорастала и зрела концепция религиозных циклов М. Сергеева – человека, впитавшего в себя на уровне сознания и подсознания различные религии и мировоззрения и прошедшего в своих религиозных исканиях путь от атеизма через христианство к вере бахаи, исследованию которой посвящена значительная часть его монографии. Одной из главных причин, приведших его к этой религии, было именно желание подняться над конфессиональными конфликтами и неприятностями, видение в этой религии толерантности не на словах, а на деле.

Возникает вопрос: почему человек, предки которого исповедовали иудаизм и христианство (точнее, иудео-христианство), пришел в своих религиозных исканиях к вере бахаи? Почему чуждое иудео-христианам

мировосприятие ислама, породившего на определенном этапе своего развития веру бахаи, стало близким М. Сергееву? Здесь вспоминаются мудрые слова Г. Померанца: «Глубина одной религии ближе к глубине другой религии, чем к своей собственной поверхности»¹. Во-первых, иудаизм, христианство и ислам — ветви единого дерева, «корнями» которого считается патриарх Авраам. Поэтому закономерно, что именно из этой Триады (три — символ совершенства) вырастает целостное, вбирающее в себя главные идеи этих религий, учение веры бахаи. Во-вторых, не только авраамические религии — иудаизм, христианство и ислам, но и другие религии мира имеют единые главные идеи, исходят из Единого (Плотин), которое, как образно выразил С. Вивекананда, — подобно Солнцу, лучами которого являются все религии². И мне представляется, что М. Сергеева привлекает именно эта идея Единого, единения религий и людей, соборности, органически присущая русскому менталитету. Идея поистине мессианская и жизненно актуальная в современном, раздираемом конфликтами и противоречиями мире. Сегодня, как никогда ранее, в нашем «хрупком мире» становится жизненной необходимостью видеть за феноменальным ноуменальное, рассматривать религии вне ортодоксальных рамок и клише стереотипов — в их глубинной сущности, которая едина; более того, эта Суть взывает к единению всех людей на планете. И данное исследование является, на мой взгляд, отражением этого Зова.

Но главная тема книги заключается не в апологетике веры бахаи, а в рассмотрении религии как живого организма. И тут, на мой взгляд, сыграла свою роль «русская кровь», тяга к русской философии, которой был «утробно» присущ органицизм, рассматривающий все элементы природно-социального бытия как «органическое целое». Представляется, что тема диссертации М. Сергеева «Религиозно-философская концепция Софии: ее генеалогия и эволюция в русской мысли девятнадцатого и двадцатого столетия» (Темпльский университет, Филадельфия, США) тоже появилась на этой почве, как и теория религиозных циклов, которая созревала в сознании мыслителя в течение нескольких десятков лет. Хотя, как мне видится, корни концепции религиозных циклов М. Сергеева уходят в особенности русского и еврейского менталитетов, в глубинную суть и экзистенциалы иудаизма и христианства.

Книга «Теория религиозных циклов» состоит из двух частей.

Первая часть «Традиционные религии и эпоха модерна» (*Traditional Religions and Modernity*) включает в себя две главы. В первой главе «Религиозные циклы: теория и применение» (*Cycles of Religion: Theory and Application*) излагается концепция религиозных циклов на историческом материале иудаизма, буддизма, христианства и ислама. Во второй главе «Проект модерна: pro et contra» (*The Project of Modernity: Pro et Contra*) представлен анализ эпохи модерна. Автор излагает свое видение дефиниции модерна, анализирует социальные и религиозные

особенности этого периода, делает особый акцент на социальных и религиозных преобразованиях эпохи Просвещения. Отдельный подраздел второй главы посвящен анализу социальной и религиозной ситуации в дореволюционной, советской и постсоветской России, в частности рассмотрению учений западников и славянофилов в контексте соотношения религии и государства и роли Просвещения в процессе секуляризации и демократизации общества.

Вторая часть «Религия после Просвещения» (*Religion after the Enlightenment*) включает в себя также две главы. В третьей главе «Вера бахаи: новая парадигма» (*The Bahá'í Faith: A New Paradigm*) излагается сущность веры бахаи, соотношение традиционных религий и веры бахаи, идей Просвещения и вероучения бахаизма; обосновывается рассмотрение его как новой религиозной парадигмы. Четвертая глава «Принципы организации в вере бахаи» (*Principles of Bahá'í Organization*) посвящена интерпретации учения и описанию административной организации бахаизма, анализу проблемы единства и инакомыслия, соотношения религии и государства в вере бахаи.

Главной и весьма плодотворной, на мой взгляд, идеей теории религиозных циклов М. Сергеева является, как отмечалось выше, представление религии как живого организма, который, как любой живой организм, проживает определенные стадии: рождения, развития, зрелости, умирания и смерти. Автор выделяет шесть стадий (фаз) развития религии: формативную, ортодоксальную, классическую, реформистскую, критическую и пост-критическую. На первой стадии происходит процесс формирования религиозного учения, сакральных текстов и сакральных традиций. «Ортодоксальная фаза цементирует традиционные устои религии путем борьбы с еретическими движениями и их альтернативными интерпретациями Священных Писаний. Классическая фаза переформулирует священную традицию, добавляя новые интерпретации к канону. Реформисты, наоборот, очищают традиции от накопленных интерпретаций для того, чтобы вернуться к сути священных учений и восстановить первоначальную веру» (р. 7). Критическая фаза наступает тогда, когда рушатся незыблемые каноны и традиции, создается впечатление, что данная религия умирает. Но как в природе за смертью вновь и вновь следует новое рождение, так и в религии: за кажущейся смертью определенной религии следует рождение новой религии из «религии-матери». Более того, и «материнская религия», и «новорожденная религия» продолжают развиваться. Автору исследования могут возразить, что не все религии проходят эти стадии. Но не все люди и живые организмы проходят стадии зрелости и старости, некоторые умирают раньше, однако это не отрицает их принадлежности к живым, рождающимся, живущим и умирающим организмам, в которых заложены программы определенных фаз развития.

Движущей силой эволюции религий являются, согласно теории М. Сергеева, структурные и системные кризисы, возникающие на определенных этапах развития религий. При этом, если структурные кризисы ведут к модификациям религии, то системные — к зарождению новых религий. В этом контексте, на мой взгляд, каждый кризис религии является импульсом для дальнейшего ее развития и подобен «мукам родов» у живых организмов, которые часто происходят болезненно, но приводят к рождению нового (новой интерпретации учения, нового течения, новой религии). Таким образом, кризисы являются необходимыми для эволюции всех сфер бытия.

Рассмотрение религии в таком ракурсе позволяет по-новому увидеть происходящие в современном мире кризисы: не в апокалиптическом ключе, как «конец света», а в аспекте «вечного возвращения», вечного круговорота жизни (рождение — жизнь — смерть — рождение...). То есть не только религиозный, но и социальный глобальный кризис — это не апокалипсис человечества, а системный кризис, в ходе которого «в муках рождается» новый вид цивилизации.

Не менее плодотворным, на мой взгляд, является акцентирование М. Сергеевым внимания на том, что именно культура, ядром которой является сакральный культ, порождает цивилизацию. Пренебрежение культурой, деградация культуры, уничтожение ее ядра — сакрального культа аналогично уничтожению корней «древа цивилизации», что неизбежно ведет к «засыханию», «гниению» и «умиранию» цивилизации. Вместе с тем история показывает, что отождествление теократического государства и общества социального и духовного благоденствия неправомерно. Печальным примером тому может служить Священная Римская империя, в которой процветала инквизиция.

«Жизнь религии» зависит от интерпретации ее священных текстов и материализации ее духовных учений, воплощения их в реальную жизнь, в ходе которого религиозное учение искажается иногда «с точностью до наоборот». Разве может соединиться та же инквизиция Католической церкви с изложенным в Евангелиях учением Христа о любви ко всем, более того, о молитве о врагах? Разве можно считать исламский терроризм воплощением идеи Корана о джихаде как войне со своим несовершенством? Поэтому то, что М. Сергеев, осуществляя анализ эволюции религий, берет за основу прежде всего Священные Писания и священные традиции и рассматривает проблему их интерпретации, является очень важным, ибо именно герменевтическая проблема интерпретации и понимания сакральных текстов и воплощения их в религиозные традиции становилась ареной борьбы и конфликтов, приводящих к расколам в религиях, причем не только в «религиях Книги» (иудаизм, христианство, ислам), но и в такой «некнижной религии» (создавшей крупнейшую книгу в мире из 729 питака-пагод с текстами «Типитаки» в Куто-до Пайя), как буддизм.

В ходе изложения своей теории религиозных циклов М. Сергеев приводит обстоятельный анализ трансформации мировосприятия, осуществленной рационализмом эпохи Просвещения, абсолютизовавшим разум и пренебрегшим культурой сердца, являющейся ядром религии. Этот процесс, продолжающийся до сегодняшнего дня, привел к развитию атеизма, наиболее ярко проявившегося в советском обществе, и, как следствие, к росту эгоизма, индивидуализма, аморализма и бездуховности.

Проанализировав существующие сегодня в мире религии, М. Сергеев приходит к выводу, что возродить деградировавшую сегодня духовность человечества может вера бахаи, родившаяся из ислама в результате его системного кризиса. Нельзя не согласиться с автором в том, что основные принципы веры бахаи действительно могли бы гармонизировать духовную и социальную ситуацию в мире.

Прежде всего, это главный принцип веры бахаи – принцип единства: «...единство Бога, единство религий и глобальное единство человечества» (р. 65).

Единство религий вытекает из признания единого Бога и, следовательно, единого Источника всех религий. Поэтому «бахаи почитают таких выдающихся духовных деятелей, как Авраам, Моисей, Зороастр, Будда, Кришна, Христос, Мухаммад, и, наконец, двух пророков самой веры бахаи, Баба и Баха-Уллу, как манифестации Бога» (р. 66).

Единство человечества достигается путем обретения чувства любви ко всем людям. Истинная религия порождает в сердце любовь. Если религия ведет к конфликтам и ненависти, то это – не религия. «Если религия становится причиной неприязни, ненависти и разделения, то лучше жить без нее... Религия, которая не рождает чувства любви и единства, не является религией» (р. 79). Мне представляется, что эта идея является краеугольным камнем веры бахаи и перспективой духовного возрождения человечества.

Очень важным, на мой взгляд, является утверждение о необходимости самостоятельного поиска Истины каждым верующим. Истина одна. Бог один. Но путей к Нему неисчислимо множество. И у каждого – свой Путь к Богу. Критерием встречи человека с Богом, Истиной является рождение в его сердце любви ко всему существу. Интересно, что в Коране написано и о единстве Бога:

Ваш Бог Един,
И нет другого божества, помимо Бога,
Всемиловит и милосерден Он!
Сура 2, аят 163³. –

и о признании пророков всех религий:

Скажите вы:
«Мы веруем в Аллаха,
И в Откровение, ниспосланное нам,

И Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку и Йакубу,
И всем двенадцати израильским коленам;
И в то, что Мусе (Бог) послал,
И в то, что даровал Он Исе
И что другим пророкам снизошло, —
Меж ними мы не делаем различий,
И лишь Ему мы всей душой предались».

Сура 2, аят 136^а.

А в Библии Христос учил любить всех, и даже врагов: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). Но мусульмане борются с иноверцами, а христиане ненавидят даже ближних... Слова и дела. Писания и традиции. Как редко они совпадают.

Каковы перспективы развития веры бахаи? Не будет ли она утопией того всемирного соборного общества, о котором мечтал Вл. Соловьев, понявший в конце жизни, что это неосуществимо? Не постигнет ли веру бахаи участь других религий, в которых человеческое эго возобладавало над Божественным, что привело к неисчислимым конфликтам и бедствиям человечества? И если следовать концепции религиозных циклов самого М. Сергеева, вера бахаи в сегодняшнем варианте — это лишь фаза ее становления? Как будут проходить другие фазы? Готово ли человечество к реализации глубоко духовных принципов этой веры? Сможет ли оно их осуществить? Смогут ли люди уйти от своего эгоизма, научиться любить всех, быть толерантными к инаковым верам и людям, уйти от высокомерного посягновения на истину в последней инстанции в лице своей религии, своей нации, своего государства, своего «Я»? Будущее покажет.

В данной рецензии выделены лишь те идеи и аспекты исследования М. Сергеева, которые наиболее значимы и плодотворны, на мой взгляд, с точки зрения философии и психологии религии. Вместе с тем нельзя не отметить осуществления автором глубокого и заслуживающего особого внимания анализа исторических, социологических и политологических аспектов эволюции религии и религиозного мировосприятия: изменение социального и религиозного мировосприятия в эпохи пре-модерна, модерна и пост-модерна с акцентом на особой роли в этом процессе идей эпохи Просвещения, возникновение и развитие двух важных религиозно-философских течений русской общественной мысли XIX в. — славянофильства и западничества, идеи которых, на мой взгляд, продолжают жить в современной России. Доминантным, пронизывающим все исследование, является компаративный анализ религий (иудаизма, буддизма, христианства, ислама и веры бахаи) с целью обоснования авторской теории религиозных циклов и закономерности появления веры бахаи, соединившей, с точки зрения М. Сергеева, в себе все лучшее в предшествующих ей религиях.

Вне всякого сомнения, теория религиозных циклов М. Сергеева и предпринятый им религиоведческий, философский, социологический и политологический анализ эволюции религии представляет большую научную ценность не только в религиоведческом, но и в философском и социологическом контекстах, ибо, как показано выше, задает ориентиры осмысления и переосмысления животрепещущих проблем современного человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Померанц Г. Распадающаяся Вавилонская башня // Вестник Европы. 2001. № 3. С. 33.

² Вивеканада С. Христос – посланник // Наука и религия. 1991. № 6.

³ Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2016. С. 53.

⁴ Там же. С. 50.

REFERENCES

Pomerants G. Decaying tower of Babel. In: *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 2001. No 3 (in Russian).

Quran. The translation of meanings and commentaries by V.M. Porokhova Moscow, RIPOL Classic Publishing Group, 2016. 800 p. (Russian trans.).

Vivekananda S. Christ the Envoy. In: *Nauka i religiya* [Science and Religion]. 1991. No 6 (Russian trans.).